

РЕЦЕНЗИИ

УДК 398.8

Г. Е. Солдатова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Комплексное издание народных песен татар-кряшен

Рецензия на книгу:

Альмеева Н. Ю. Песни татар-кряшен / Под общ. ред.

И. И. Земцовского; Рос. ин-т истории искусств.

Вып. 1: Пестречинская (примёшинская) группа.

Санкт-Петербург; Казань, 2007. 311 с. + CD;

вып. 2: Молькеевская группа.

Санкт-Петербург; Казань, 2012. 472 с. + DVD

Предмет настоящей рецензии – новое серийное издание по фольклору. Опубликовано два тома песенного фольклора татар-кряшен – этноконфессиональной группы в составе татар. Книги подготовлены кандидатом искусствоведения, старшим научным сотрудником сектора фольклора Российского института истории искусств Н. Ю. Альмеевой. Каждый том содержит нотные записи и тексты песен разных жанров (свадебные, календарные, рекрутские и др.) на татарском и русском языках, этномузыковедческую статью, комментарии, рассказы информантов об обрядах и праздниках кряшен. В первый том включены песни пестречинской (примёшинской) группы кряшен, во второй – молькеевской. К томам прилагаются компакт-диски с аудиозаписями публикуемых песен, во втором томе есть также видеоматериалы. Издание является первой комплексной монографической публикацией песенного фольклора татар-кряшен.

Ключевые слова: татары-кряшены, народные песни, комплексное издание, этномузыковедение, Альмеева Н. Ю.

В последние годы фольклористика пришла к пониманию того, что издавать записанные материалы, особенно зафиксированные в экспедициях конца XX – начала XXI вв., необходимо в мультимедийном формате, комплексно. Во-первых,

Солдатова Галина Евлампьевна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; g.soldatova@ngs.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2015. № 3
© Г. Е. Солдатова, рец., 2015

в эти годы, несмотря на стремительное исчезновение, буквально «таяние» многих народных культур, была возможность увидеть и услышать истинных носителей традиции, этнофоров, знающих фольклор в исконном, аутентичном виде, захватить живое бытование жанров, готовых уйти из фольклорной жизни. Во-вторых, в это время в полевых исследованиях стала применяться бытовая и полупрофессиональная звуко- и видеозаписывающая аппаратура нового поколения, позволяющая в приемлемом качестве запечатлеть исполнение сказок и песен, проведение обрядов и праздников. К сожалению, с каждым годом технических возможностей становится все больше, а возможностей услышать – все меньше.

Фольклористы, этномузыкологи, стремясь дополнить письменную условную фиксацию, какой являются и запись текста, и нотная графика, публикуют свои материалы в книгах, оснащенных приложениями на компакт-дисках, либо вовсе переходят на электронные версии изданий. Другое дело, что публикаций действительно комплексных, представляющих фольклорные произведения в словесной и нотной записи, в звуке, визуально, с атрибуцией и комментариями, не так много. Пожалуй, самое масштабное комплексное издание такого рода – многотомная академическая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»¹. Уместно вспомнить также публикации музыкального фольклора Вологодской области [Народная традиционная культура..., 2005], песен украинцев переселенцев Омской области [«Куды, доню...», 2007], песен старообрядцев Алтая [Шуров, 2009], якутского эпоса [Уол Дугуй..., 2014].

Издание «Песни татар-кряшен» находится в русле эдиционных тенденций современной фольклористики, в том числе фольклористики музыкальной. Перед нами – научное издание, представляющее кряшенский песенный фольклор в звукозаписях, нотировках, текстах, фото- и видеоиллюстрациях, рассказах информантов, сопровождаемый этномузыковедческими комментариями и исследовательскими статьями. Автор публикации – известный этномузыковед, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора Российского института истории искусств Наилия Юнисовна Альмеева. Как следует из предисловия, в перспективе запланирована целая серия томов² музыкального фольклора девяти локальных групп татар-кряшен, записанного в ходе музыкально-этнографических экспедиций 1978–1999 гг.

Автор, судя по масштабам сборов и расшифрованных записей, – опытный полевик, прекрасно знающий и понимающий исследуемую культуру. Свои подходы к сбору материала и представления о системе жанров и стилевых пластах в музыкальном фольклоре кряшен она последовательно воплощает в экспедиционной работе и эдиционной практике. Оба вышедшие тома серии об этом наглядно свидетельствуют.

Рассуждения автора, касающиеся жанрового состава музыкального фольклора кряшен, методов сбора и отбора материала для публикации, принципов нотирования, сосредоточены в основном в первом томе (в предисловии и в статье о пестречинской традиции) и отчасти – во втором. Попытаемся вкратце изложить их суть, останавливаясь на самых существенных моментах позиции автора.

Музыкальный фольклор татар-кряшен, исповедующих православие, несмотря на давние и постоянные контакты с культурами татар и других поволжских народов, сохранил самобытность и демонстрирует единство жанровой системы, репер-

¹ Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» готовится в Институте филологии СО РАН, выходит с 1990 г. За период с 1992 по 2014 г. вышло из печати 33 тома. См. подробнее: <http://www.philology.nsc.ru/departments/folklor/books/index.php> (дата обращения 05.02.2015).

² Здесь и далее мы будем говорить о томах, что более соответствует формату и объему издания, хотя автор скромно называет их нотными сборниками, а в выходных данных значится «выпуски».

туара, музыкальной стилистики. Его важнейшие характеристики – многоголосие (гетерофонное или бурдонное) и особое тембровое интонирование обрядовых напевов – календарных и свадебных.

Всем локальным традициям кряшенского фольклора свойственно пение, приуроченное к *календарным праздникам*, которые в основном совпадают с праздниками православного церковного календаря. Самые архаичные напевы с напряженным тембром поются во время Нардуган – зимних святок с ряженьем и гаданиями и во время Масленицы. Пик песенной активности – летние хороводы от Семика до Петрова дня, когда звучит коллективное гетерофонное пение. В последующие месяцы вплоть до Рождества исполняются только гостевые напевы.

К *семейно-обрядовому* фольклору относятся свадебные напевы (темброво выделенные, часто гетерофонные, отмечающие особые моменты драматургии), а также пение православных молитв на поминках и рекрутские напевы.

Характерными чертами песенной традиции кряшен в целом, по мнению автора, являются: наличие «музыкальной доминанты» – хороводных песен Пасхи, Троицы, Петрова дня, общность обрядово-формульных интонационных пластов, коллективность исполнения. Как сущностное музыкальное свойство кряшенской обрядовой мелодики автор выделяет тембр, говоря о нем как о «ярком», «зычном», «пронзительном». Указание на тембровую специфику красной нитью проходит через все исследовательские разделы работы. Поддерживая идею автора о чрезвычайно важной роли тембра в архаичных обрядовых напевах, стоит, однако, добавить, что о тембре можно и нужно говорить не только то, *каким* он получается, но и *за счет чего* это происходит, какие органы задействованы в артикуляции. Хотя, конечно, исследование тембра – особая и трудная задача, для выполнения которой потребуются совместная работа с лингвистами.

Полевые записи проводились исходя из изложенного выше представления об устройстве песенной традиции в фольклоре татар-кряшен: при сборе материала исследователь ориентировался на два главных репрезентанта стиля – календарный и семейно-обрядовый фольклор, тщательно выявляя в каждой деревне напевы этих двух слоев. находка полевой работы – фраза, на которую адекватно реагировали информанты, переключаясь с татарских песен на родные: «Это не кряшенское пение. Спойте по-кряшенски» [Альмеева, 2007, с. 10]. Таким образом были обследованы все локальные песенные традиции кряшен и собран богатый аутентичный материал для публикации.

Какими же принципами руководствуется составитель при подготовке этого издания? Подача материала в томе осуществляется по «локально-географическому принципу, который дает возможность представить локальную песенную традицию как этномузыкальную целостность, имеющую свои исторические особенности формирования» [Там же, с. 5]. Иначе говоря, каждая локальная традиция представлена через стилеобразующие жанры, записанные во всех населенных пунктах данной локальной группы. Так, в первом томе серии опубликованы напевы пестречинской группы татар-кряшен, во втором – молькеевской, причем материал расположен строго по населенным пунктам: сначала образцы всех жанров, бытующих в одной деревне, затем – в другой и т. д.

Для показа многоголосного пения избраны двух- и трехголосные образцы, поскольку они представляют минимум голосов и в то же время достаточно репрезентативны для кряшенского многоголосия, так как позволяют увидеть мелодическую линию каждого голоса. В реальной певческой практике, как отмечает автор, может быть гораздо большее количество голосов, но существенного влияния на вид многоголосия они не оказывают.

В записи словесного текста сохранены все особенности, возникшие при трансформации слов в пении, поскольку расшифровщик преследует цель «отразить спетый текст наиболее приближенно к его звучанию» [Альмеева, 2012, с. 19–20].

Соответственно, записанный текст отличается от норм литературного языка. Названия текстов, вопреки принятому в фольклорных сборниках правилу именовать песни по первым строчкам, даны автором по функциональному принципу. Так они определяются и самими информантами: например, не жатвенная, а «Возвращаясь с жатвы», так как их поют не во время жатвы, а только по дороге с поля.

Нотная расшифровка, как заявляет автор, выполнена на слух с магнитофонной записи, при этом не использовались возможности компьютера, не было даже замедления записи на магнитофоне. Это достаточно серьезный момент. С одной стороны, указанный способ расшифровки обедняет нотацию, лишая ее нюансов, трудноразличимых на слух, с другой – оберегает от излишней детализации, мешающей понять истинный мелодический смысл напева. Здесь все зависит от задачи, которую ставит перед собой нотировщик: если нужно установить закономерности микроритмики и микроинтонирования, то необходима максимально детализированная нотировка с порой неуловимыми на слух нюансами. Нередко такие нотировки с тщательно выписанной мелизматикой, обилием знаков микроальтерации выглядят неудобочитаемыми, вплоть до неузнаваемости основной мелодической линии. В данном издании, думаю, задача донести мелодический смысл превалирует, поэтому степень подробности нотировок надо признать достаточной.

При нотировании автор соблюдает аналитическое ранжирование, пытаясь передать структуру «длинной» строки (10 + 9). Группировка нот произведена в соответствии с особенностями распевания стиха. Некоторые нотировки даны в нескольких куплетах – для того, чтобы наблюдать процесс интонационного развития, что совершенно правильно. Интересно было бы посмотреть и на всю композицию напева, все куплеты (строфы), проследить формообразование в динамике, однако мы лишены такой возможности, по-видимому, из-за нехватки места в публикации.

Структура томов идентична: сначала даются исследовательские статьи на русском и английском языках, затем песенные образцы в нотных записях и словесных текстах на татарском и русском, далее – комментарии составителя к публикуемым записям и приложения с рассказами информантов на татарском языке и в переводе на русский. В приложениях помещены также таблицы так называемых ритмических клише (термин предложен Н. Ю. Альмеевой в кандидатской диссертации 1986 г.) для всех песенных жанров данной локальной традиции.

Первый том³ представляет песенный фольклор пестречинской (примёшинской) группы татар-кряшен. Здесь изданы материалы экспедиций 1992 и 1999 гг., при этом в коллекции оказалось значительно меньше образцов с архаическим образцовым интонированием, что может быть связано с меньшим числом информантов пожилого возраста, с территориальной близостью к столице Татарии и, следовательно, влиянием позднего слоя фольклора.

В пестречинской группе традиционное пение праздника Нардуган со специфическим интонированием не зафиксировано, равно как и приуроченные масленичные напевы. Хороводные песни и близкие к ним в функциональном и стилевом отношении луговые, лесные напевы записаны в достаточном количестве, по музыкальным признакам они находятся в русле общекряшенской традиции. Записаны также игровые песни, более поздние по происхождению, близкие татарской народной музыке.

³ Первый том песенного двухтомника вышел в 2007 г., и остается лишь посотовать, что публикации, в которых заинтересованы сибиряки, не всегда доводится увидеть сразу. Поэтому и через несколько лет после выхода в свет для нас эта книга – новинка.

Свадьба у примёшинцев насыщена пением, особенно много застольных песенных диалогов, возникающих между роднящимися родами, при этом в каждой деревне используется свой напев. Автор отмечает усиление развлекательных моментов и ослабление мотива печали по поводу отделения невесты от своего рода. В этой группе, как и у других кряшен, за исключением молькеевцев, свадебные причитания отсутствуют.

Все рекрутские песни исполняются на два напева – старинный и новый. Старинный напев, как установлено исследователем, по квантитативному ритмическому клише, длинному стиху и мелодическим интонациям имеет значительное сходство с обрядовыми свадебными и гостевыми напевами.

Наложение народного православия на языческие представления в пестречинском ареале демонстрирует обряд вызывания дождя, во время которого кряшены идут с крестом к роднику, совершают коллективное моление с напевами «Отче наш» и «Пресвятая Богородица», освящают воду крестом, а затем разбрызгивают ее в поле или на сухом месте [Альмеева, 2007, с. 92–93, 273, 295].

С фольклористической точки зрения, безусловно, очень важен факт публикации образцов, являющихся вариантами, записанными в разных деревнях. Составитель считает, что это один напев, хотя, по-видимому, такое явление может быть названо *типовым напевом*, широко распространенным в разных культурах, в том числе соседних с кряшенами тюркских и финно-угорских. Сопоставление вариантов, близких по мелодике и стиху, может дать интересные результаты и музыковедам, и филологам.

Особый вес первому тому придает приложение, содержащее, помимо упомянутых выше рассказов информантов и таблиц с ритмическими клише, также и комментарии к публикуемым образцам. Комментирование включает не просто данные о записи и описание ситуаций исполнения, но подробный и основательный музыковедческий анализ нотировок на предмет ладовой, ритмической организации, формообразования. Кроме того, приведены варианты каждого напева, зафиксированные автором или опубликованные в других изданиях, что обрисовывает ареал распространения напева и свидетельствует о фольклористической состоятельности исследования.

Второй том посвящен песенной традиции молькеевских кряшен – локальной группы, в формировании которой участвовали татары-мишари, низовые чувашы, поволжские финно-угры и кыпчаки. Деревни этого ареала и сейчас находятся в зоне активных культурных и брачных контактов с татарами и низовыми чувашами, поэтому жители одинаково свободно говорят на татарском и чувашском языках.

Записи, публикуемые в этом томе, относятся к 1986, 1987, 2007 гг. Участники экспедиций успели застать информантов даже самого старшего возраста – 1904 и 1915 годов рождения. Но что поразительно (и для автора, и для читателя) – состояние традиции удивительно живое, и не только старшее поколение, но люди всех возрастов знают традиционные напевы, гостевые и календарные, исполняют обрядовые песни особым тембром. Замечательно иллюстрирует сказанное не только ноты и звукозаписи, но и видеоматериал, данный на DVD (деревня Старое Тябердино, исполнение застольного напева женщинами старшего и среднего возраста; к сожалению, данных об исполнителях нет).

Исследователем выявлены основные черты молькеевской песенной традиции, отличающие ее от других кряшенских групп: 1) два хороводных напева – короткий и протяжный (поется особым голосом, в высоком регистре, «пронзительно»); 2) два вида напевов, приуроченных к Масленице, – также короткий и протяжный; 3) напев свадебного причитания (он есть только у молькеевских кряшен); 4) мужское исполнительство, тогда как в других традициях поют только женщины.

Наличие свадебного причитания у кряшен молькеевской группы, а также общность хороводного репертуара у данной группы кряшен и у чувашей-анатри автор убедительно объясняет давними брачными связями этих этносов, приводя перечень выявленных ею общих мест для хороводов и гуляний молодежи из нескольких деревень (кряшенских и чувашских).

Среди записей, показательных для традиции и очень интересных для этномузыковедов и филологов-фольклористов, стоит отметить одноголосные и двух-трехголосные варианты одних и тех же песен, спетых в каждой деревне; обычай пропевания тостов и пожеланий (гостевые напевы) во время застолий на Рождество, Троицу, Пасху, Покров; традицию исполнения рекрутских напевов мужчинами; напевы, связанные с жатвой, помочами, валянием сукна, православные молитвы в народном исполнении («Отче наш», Молитва Святому Духу, «Святый Боже», «Достойно есть»).

В этом томе содержатся потрясающе красивые образцы многоголосного пения, в котором, как пишет Н. Ю. Альмеева, возникает специфическая фактура с «фиксированной вертикалью», образуя «линейно-кластерную гетерофонию» [Альмеева, 2012, с. 19]. Автор как будто оправдывается, что в томе много нотировок одного напева в вариантах – одно- и многоголосных: «Несомненно, эти образцы были спеты последними в этой местности носителями такого типа музыкального мышления. С этим связано размещение в настоящем собрании порой достаточно объемных (по количеству куплетов) нотировок с расщеплением фактуры» [Там же]. Думается, надо ценить эти образцы многоголосия не только за то, что они последние, но за аутентичность, полную запись и расшифровку, за наличие многих вариантов, подтверждающих не уникальность, а типичность, репрезентативность их для данной песенной традиции. Поэтому стремление автора показать большее число полных вариантов надо всячески приветствовать.

По сравнению с первым томом приложение немного «похудело»: комментарии здесь не содержат музыкаловедческих комментариев, они переместились в обобщенном виде в музыкаловедческую статью. Зато ко второму тому сделано более объемное и представительное приложение: вместо CD-ROM дан DVD, на котором стало возможным поместить не только большое количество аудиозаписей, но и видеоматериалы.

Завершая обзор двух первых томов серии «Песни татар-кряшен», хочется подчеркнуть, что в научный обиход введены интереснейшие материалы по народно-музыкальному творчеству татар-кряшен. Первая комплексная монографическая публикацией кряшенских песен, – безусловно, значимое событие для татарского и в целом российского этномузыкознания.

Книга прекрасно издана. Альбомный формат, избранный ради удобства размещения нот, в то же время, сочетаясь с твердым переплетом нарядного бордового цвета и золотым тиснением, придает изданию подарочный лоск. Если добавить к этому наличие интересных рассказов носителей культуры, замечательных иллюстраций и дисков с аудио- и видеозаписями, перевод исследовательской части на английский язык, то становится понятным, что книга может быть адресована не только коллегам-ученым, но и широкому кругу читателей, включая зарубежных.

Остается надеяться, что в скором времени и другие, пока еще неисследованные традиции самобытной песенной культуры татар-кряшен станут достоянием науки и общественности в следующих томах серии.

Список литературы

Альмеева Н. Ю. Песни татар-кряшен / Под общ. ред. И. И. Земцовского; Российский ин-т истории искусств. Вып. 1: Пестречинская (примешинская) группа.

Санкт-Петербург; Казань, 2007. 311 с. + CD; вып. 2: Молькеевская группа. Санкт-Петербург; Казань, 2012. 472 с. + DVD.

«Куды, доню, собираеся?..»: Свадебная обрядность украинских переселенцев Омского Прииртышья / Сост. Т. М. Репина, О. Г. Сидорская; отв. ред. В. Ю. Багринцева. Омск: Наука, 2007. 186 с. + CD (По материалам фольклорно-этнографических экспедиций; Вып. 2).

Народная традиционная культура Вологодской области / Сост., науч. ред. А. М. Мехнецов; Российский фольклорно-этнографический центр и др. Санкт-Петербург; Вологда: Обл. науч.-метод. центр культуры и повышения квалификации, 2005. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга. 416 с. + два CD.

Уол Дугуй бухатыыр / Олонхосут Е. И. Кардашевский; Авт. и рук. проекта В. В. Илларионов; СО РАН, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. нар. Севера; Северо-Вост. федер. ун-т им. М. К. Амосова; Ин-т языков и культуры Сев.-Вост. России. Якутск: Якутия, 2014. 208 с. + CD.

Щуров В. М. Русские песни Алтайского Беловодья. М.: Луч, 2009. 240 с. + CD.

G. Ye. Soldatova

A complex edition of the folk songs of Tatars the Kryashens

(Almeeva N. Yu. The songs of Tatars the Kryashens /

Ed. by I. I. Zemtsovsky; Russian Inst. of Art history.

Vol. 1: Pestrechinskaya (Primëshinskaya) group. St. Petersburg; Kazan, 2007. 311 p. + CD;

Vol. 2: Molkeevskaya group. St. Petersburg; Kazan, 2012. 472 p. + DVD)

The subject of this review is a new serial publication on folklore. Published recently have been two volumes of folk songs of Tatars the Kryashens, who form an ethnic and religious group of the Tatars. The books have been prepared by N. Yu. Almeeva, Ph. D., Senior Research Fellow of the Folklore Department of the Russian Institute of Art History. Each volume contains musical notations and lyrics of different genres (wedding, calendar, recruiting, etc.) in Tatar and in Russian, ethnomusicological paper, comments, stories about the rites and celebrations of Kryashens told by informants. The first volume includes the songs of the Pestrechinskaya (Primëshinskaya) group of the Kryashens, the second one – those of the Molkeevskaya. Both of the volumes contain the CD-ROM with audio recordings of the published songs, in the second volume there are also videos. This edition is the first monographic complex publication of folk songs of Tatars the Kryashens.

Keywords: Tatars the Kryashens, folk songs, complex edition, ethnomusicology, N. Yu. Almeeva.